

М. К. Ю Р А С О В А

Герой Советского Союза

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

ГУРТЬЕВ

ОГИЗ ~ ОМГИЗ ~ 1946

М. К. ЮРАСОВА

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГЕНЕРАЛ - МАЙОР
ГУРТЬЕВ

О Г Н З

ОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОМСК

1946

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>По военным дорогам</i>	5
<i>На берегу Иртыша</i>	11
<i>Путь к Сталинграду</i>	17
<i>Сталинград</i>	21
<i>Орел</i>	34

Редактор И. А. Браиловский.

Подписано к печати 26/VII 1946 г. П.123224. Инд. П-3. Тираж 10 000 экз. 23¹/₂ л. п. л.
2,02 уч.-изд. л. Цена 50 коп.

Типография издательства „Омская правда“, Омск, ул. Декабристов, 47.
Заказ № 2726.

БИБЛИОТЕКА
им. Г. ВАСИЛЬЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Леонтия Николаевича Гуртьева по родному близко и памятно юмичам.

Омск знал Леонтия Николаевича своим избранником в депутаты Областного Совета. Жива в памяти многих его большая работа в стенах Омского военного пехотного училища, где он растил офицерские кадры для Красной Армии.

В Омске он формировал и готовил к боям свою дивизию; с омичами прошел героический путь от Сталинграда к Орлу. И те тысячи омичей, которые с гордостью несли на фронтах Отечественной войны имя своего героического командира, и сейчас называют себя гуртьевцами.

Но рассказ о жизни, ратных трудах и героической гибели Леонтия Николаевича Гуртьева с волнением прослушают не только гуртьевцы.

Гуртьев — одно из имен, о которых современник скажет:

— Да, были люди в наше время!

Гуртьев навсегда останется для нас символом мужества, бесстрашия и беззаветной преданности Родине — ярким представителем сталинской военной школы.

О роли генерал-майора Гуртьева в обороне Сталинграда, в боях за Орел еще не мало скажет историк. Ведь без таких командиров-героев — людей большой, патриотической души, как Гуртьев, Родина не могла бы воспитать и закалить в великих сражениях Отечественной войны ту армию чудо-богатырей, которая отстояла нашу свободу и независимость и разгромила темные силы немецкого фашизма. Могучее,

всепобеждающее чувство патриотизма, питаемое сталинской военной наукой, двигало Гуртьевым.

Человек большевистской неутомимости и большевистского упорства, Леонтий Николаевич в невероятных по трудности условиях, в огне войны, вел в своей дивизии огромную военно-воспитательную работу, оставаясь всегда верным суворовской традиции: «тяжело в учении — легко в бою».

Умение оперативно анализировать боевую обстановку, определить выгоды и невыгоды положения на поле боя, непоколебимая твердость и мужество — эти черты советского офицера были ярко выражены в Гуртьеве.

Генерал сталинской школы, сталинской закалки — Леонтий Николаевич Гуртьев в своем героическом ратном труде воплотил лучшие традиции самобытного русского военного опыта, на котором воспитались и будут воспитываться поколения советских офицеров.

Издаваемая Омским областным государственным издательством книга о Герое Советского Союза Гуртьеве далеко не полно раскрывает военное боевое лицо Гуртьева. Но в очерке М. К. Юрасовой собран интересный документальный материал — воспоминания, письма боевых товарищей Леонтия Николаевича и близких ему людей, семейная хроника и все это убедительно, правдиво говорит о Гуртьеве — человеке, патриоте, военачальнике. В этом безусловная ценность данной работы. Эта небольшая книга представляет интерес и для читателя и для будущего историка эпопей о людях сороковых годов XX столетия.

Генерал-майор И. И. УСЕНКО

ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ

Этот путь простой и благородный
Ты прошел по боевым низам.

М. ЛУГОВСКОЙ

Тонкий луч карманного фонаря скользнул по калитке, и в темноте ясно обозначилась цифра 17.

Гуртьев ютлично помнил этот номер. В течение трех лет он почти еженедельно адресовал письма — город Ковров, Соборная 17, но для чего-то вытянул из кармана юткрытку и прочитал вслух: Соборная 17, еще раз осветил табличку на калитке и отошел к окну. Оконные стекла были покрыты морозным узором. В белых листьях и звездах дробился теплый луч лампы, и они наливались мягким желтым светом, плотной завесой закрывая все, что делалось в комнате.

Казалось невероятным, что длинный, трудный путь пройден и вот за этой хрупкой, стеклянной перегородкой его дом, семья.

У самого края стекла начал тускнеть и таять снежный лист. Темный, круглый пяточок все увеличивался и Гуртьев скорее угадал, чем увидел в пяточке глаз.

Мучительно захотелось, чтобы этот глаз принадлежал сыну.

Ему даже казалось, что он чувствует теплоту детского дыхания, видит мохнатые, светлые ресницы и тонкий розовый палец, старательно очищающий со стекла наледь. Потом глаз исчез, слышно было, как в комнате заплакал ребенок; темный пяточок в углу стекла начал покрываться ледяной пленкой.

Гуртьев постучал в дверь и очутился в незнакомой кухне.

У русской печи, ярко освещенная отблесками огня стояла мать. Она удивленно посмотрела на высокого, тощего человека в потрепанной шинели, зеленых обмотках.

Гуртьев улыбнулся и мать узнала его. Глаза были те же — искристые, насмешливые, гуртьевские.

Затем он обнял жену, сына...

Надежда Павловна сняла с его головы примятую, потерявшую свою форму фуражку.

— Да ты поседел! — в один голос воскликнули женщины.

— Факт, который прикроешь только патентованной краской и то ненадолго. Память о Перемышле... — отшутился Гуртьев и взял на руки сына.

Когда Леонтий Николаевич уезжал на фронт, его сыну было всего несколько месяцев. Гуртьев помнил лишь маленькое, беспомощное существо, барахтавшееся в белом ворохе пеленок, и то чувство робости, какое охватывало его, когда он брал ребенка на руки. Он боялся причинить боль, уронить это хрупкое, слишком легкое, почти невесомое для его больших, мужских рук тельце.

И сейчас Леонтий Николаевич с удивлением и нежностью смотрел на белоголового, смыслениого мальчугана, настойчиво спрашивающего: «Папа, а ты ружье привез?».

— Папа, — Гуртьев не заметил, как повторил вслух вслед за сыном это слово.

Было несказанно хорошо держать на руках упругое, крепкое тело ребенка, глядеть в его быстрые, озорные глаза, прикасаться своей шершавой, колючей щекой к нежному детскому лицу.

...До поздней ночи сидела за столом семья Гуртьевых.

Уже в лампе выгорел почти весь керосин и немощный, коптящий огонек ее не светил, а только бросал на стол бледные, желтые блики. Уже посинели стекла окон, а Гуртьевы все разговаривали.

Сколько событий прошло с тех пор, как в пыльный июльский день 1914 года студента Леонтия Гуртьева арестовали за участие в рабочей демонстрации, а за-

тем с маршевой ротой отправили на фронт, скольких близких, дорогих людей нет уже в живых?

Умер отец, погибли три брата Гуртьева.

Леонтий Николаевич расспрашивал о последних днях отца. Старый лесничий Николай Афанасьевич Гуртьев умер в пути, когда семья эвакуировалась из Поневежа в Ковров.

— Когда бывало очень трудно, я повторял слова отца: «Гуртьевы не плачут!». Вот у кого была настоящая русская выносливость и настойчивость! Ты помнишь, мама, как он учил нас: «Если трудно, надо понатужиться и вытянуть» — и, немного помолчав, Гуртьев отрывисто сказал: — Что же, если надо — понатужимся, вытянем и выстоим. Я верю большевикам.

Из Московской сельскохозяйственной академии в город Ковров, в дом № 17 по Соборной улице пришло письмо... Деканат сообщал, что Леонтий Николаевич Гуртьев зачисляется студентом полеводческого факультета.

Мать и жена прочли письмо и обрадовались. Леонтий Николаевич еще зимой послал свои документы в академию. И вот теперь пришел ответ.

Письмо решили преподнести как _можно торжественней.

Стол накрыли новой, праздничной скатертью, посредине поставили голубую фруктовую вазу, а в вазу письмо — пусть сам заметит.

Гуртьев вернулся с работы поздно, удивился и новой скатерти и торжественным лицам жены и матери, потом заметил письмо. Леонтий Николаевич прочитал его раз, другой.

Три долгих года на фронте прапорщик Гуртьев мечтал о том времени, когда окончится война и он вновь станет студентом.

Еще в школе Леонтий Николаевич увлекался естествознанием. Отец с детства научил его любить и понимать природу. В мире трав, цветов и деревьев он чувствовал себя своим человеком. И сейчас почему-то

вспомнилось, как вместе с отцом они вели календарь природы. Десятого апреля на липах набухли почки, а пятнадцатого робко полуразвернулась нежная клейкая листва. Отец сорвал одну такую полураскрытую почку и большими, натруженными темными руками осторожно разглаживал трепетные, похожие на крохотные, изумрудные крылья, листья... Потом Гуртьев вспомнил, как в 1915 году немцы жгли русское село Грачицу...

Акуратно сложив письмо, Гуртьев протянул его жене.

— Возьми, Надежда, спрячь. Я завтра в военкомат пойду. У нас в Коврове батальон формируется, на Краснова собираемся.

13 июля 1919 года 38 запасной батальон, сформированный в городе Коврове, выступил в поход. Он шел в донские степи против банд немецкого ставленника Краснова.

Командиром одного из взводов этого батальона был бывший прапорщик Леонтий Николаевич Гуртьев. Батальон прямо с хода был брошен в бой. Преодолевая упорное сопротивление неприятеля под ураганным огнем вражеских батарей, взвод Гуртьева первым ворвался в красновские окопы.

Вскоре 38 запасной батальон был переформирован в стрелковый полк; комвзвода Гуртьев стал командиром роты, а затем комбатом.

По большим военным дорогам гражданской войны шёл гуртьевский батальон. Он бил врагелъцев на Таманском полуострове, бело-зеленых бандитов на Кубани, меньшевистских повстанцев в Грузии.

В военном обозе вслед за действующими частями двигалась с полковой школой красноармейская учительница Надежда Павловна Гуртьева, добровольно ушедшая на фронт вслед за мужем.

Надежда Павловна обучала молодых бойцов грамоте, арифметике, географии, а в часы досуга выступала на самодеятельных красноармейских концертах.

В непрерывных маршах и боях Гуртьев никогда не забывал о военной учебе, о воспитании своих бойцов.

— У Гуртьева каждый красноармеец при винтовке и карандаше, — не без иронии сказал как-то командир полка.

— И при букваре, — добавил, ничуть не смутившись, Гуртьев.

Об этих годах борьбы и учебы — штыка и карандаша — ярко повествует приказ № 5684 по 39 стрелковому полку, сохранившийся в личном архиве Гуртьева.

«... Комбат 1-го вверенного мне полка тов. Гуртьев Л. Н. получает назначение на ту же должность в 37-й полк.

За свою службу в полку с самого первого дня основания полка в 1919 г. и до перевода он был примерным командиром, честным и справедливым.

Во время неоднократных боев против бандитизма, в походе на меньшевистскую Грузию, полк имел в нем лучшего товарища и командира.

Всегда любимый красноармейцами и комсоставом, он ни на минуту не покидал полка, неуклонно и продуктивно работал при реформировании полка, перебросках на охране железных дорог в 1921 г. и 1922 г.

... За последнее время исполнял обязанности юмкомполка; на этой должности проявил себя с самой лучшей стороны, как работник, организатор и товарищ.

От лица службы прошу принять благодарность и желаю в 37-м полку на новой должности такой же славной, продуктивной работы. Подлинное подписано: Ком. полка Гришин. Военком Говоруха».

А вот другой, подкупающий своей непосредственностью и искренностью, документ, характеризующий Гуртьева, как командира-воспитателя.

«От 1-й роты 39-го полка.

Дорогой Леонтий Николаевич, провожая Вас, мы в Вашем лице теряем не только дорогого нашему сердцу командира, но и товарища, который большую часть своего досуга уделял нам.

Командиры и красноармейцы в Вашем лице увидели непреклонное осуществление лозунга: «Командир — только командир, но и воспитатель».

Память о Вас надолго останется в наших умах».

Гуртьев был из той первой, славной плеяды товарищей-командиров, которые в огне гражданской войны цементировали Красную Армию.

Закончилась военная страда. Гуртьев служит начальником штаба дивизии в Саратове, затем в Ярославле. В эти годы он неутомимо работает над совершенствованием своих военных знаний, много читает.

В 1936 году Леонтий Николаевич получил назначение в Омск, в первое военное пехотное училище.

НА БЕРЕГУ ИРТЫША

Настойчиво готовил он бойцов,
На долгих маршах и ночных ученьях.

И. ПОВИКОВ

Гуртьев шел по незнакомому городу мимо дома с зубчатой башней и свирепыми чугунными бульдогами у под'езда, мимо решетчатой ограды городского сада. В саду с тополей осыпались семена-летучки. Легкий тополиный пух теплой метелицей кружил в воздухе. Пушинки оседали на тротуаре, живыми, мохнатыми комочками перекатывались под ногами, цеплялись за одежду прохожих.

Напротив сада целый квартал заняло высокое белое здание. Дорические колонны у входа, лепные украшения в простенках узких казарменных окон — типичный «русский ампир», печатью которого отмечены почти все учебные заведения, выстроенные в прошлом столетии.

Гуртьев безошибочно узнал военное училище.

Здание стояло у самого Иртыша и широкий плац сбегал к реке. На плацу, отбивая четкий шаг, маршировали курсанты.

Гуртьев смотрел на старинное белое здание, на маршировавших юношей и припоминал все, что он слышал и читал об этом училище.

В 1913 году отмечался столетний юбилей Омского кадетского корпуса. Его открыли после изгнания с русской земли наполеоновских полчищ. Здесь учились: казачий офицер Иван Карбышев, основавший город Верный — нынешнюю столицу Казахстана Алма-Ата, исследователи Азии — Чапан Валиханов, Шубин, Гера-

симов, Потанин; кадетом Омского корпуса был Валериан Куйбышев.

В 1922 г. слава о курсантах омских пехотных курсов состава, ходивших на взбесившегося остзейского немца барона фон-Унгерна, дошла и до Кубани, где тогда служил Гуртьев.

И вот теперь ему, Гуртьеву, предстояло воспитывать тут новое поколение советских офицеров...

Новый начальник учебного отдела в первые же дни удивил всех тем, что почти весь свой досуг проводил в курсантских подразделениях.

Он интересовался не только учебой, но и тем, как курсанты проводят свободное от занятий время, что читают помимо специальной литературы, часто ли пишут письма домой, как живут их семьи.

Леонтий Николаевич никогда не ограничивался одними словесными поучениями. Он старался быть таким, каким хотел видеть каждого своего курсанта, он больше показывал, чем рассказывал.

Гуртьев требовал, чтобы курсанты закакали себя, приучались к любым лишениям и непогоде. И сам он в жестокие сибирские морозы ходил в одной шапелли. Никаких ватников, телогреек и прочих, как он называл, «утеплителей» Леонтий Николаевич не признавал.

Это по его инициативе в училище стали частыми лыжные походы.

Маршруты таких походов Гуртьев выбирал в местности с естественными преградами, нарочито утрудненные.

Многие курсанты и офицеры помнят еще большой стокилометровый лыжный поход.

На рассвете дежурный лейтенант доложил: температура воздуха — 39°, ветер — 5 баллов.

Лейтенант ожидал, что Гуртьев даст приказание отложить поход. А Гуртьев сказал: «Хорошо, очень даже хорошо, нам положительно везет».

Леонтий Николаевич, только что оправившийся после тяжелой болезни, стал во главе колонны и подзадоривал молодежь: «А ну, угонитесь за нами, стариками!». И за стариками действительно не легко было угнаться.

Глядя на его высокую, подтянутую фигуру, трудно было поверить, что ему уже пятьдесят лет.

Курсанты любили этого седого, немного суховатого на вид человека за искренность, справедливую строгость, даже за взыскательность и звали его «отцом», «батькой» и еще «пилой».

Узнав впервые об этом своем прозвище, Леонтий Николаевич добродушно улыбнулся и сказал: «Автору в меткости отказать нельзя. Не будешь пилить, не перепилишь».

Если Гуртьеву жаловались, что трудно, он неизменно отвечал: «На войне будет еще труднее, а мы готовимся именно к войне!». Любимой гуртьевской поговоркой была: «Больше пота в учении, меньше крови на войне».

Суворовское: «Трудно в учении, легко в бою» — было очень популярно среди курсантов. Леонтий Николаевич всемерно применял в училище это суворовское правило. Он поддерживал своих питомцев в состоянии готовности к лишениям и опасностям будущей войны.

— Кто хочет «легкой» жизни, тому не место в военном училище, — говорил Гуртьев.

Когда Леонтий Николаевич толковал об особенностях военной специальности, он каждый раз повторял:

— Командир-воишковишк должен владеть не только боевым оружием, изучить тактику, стратегию боя, он должен научиться владеть, управлять собою, превозмочь свои физические и моральные немощи. И только одолев себя, научившись управлять собою, командир сумеет подчинить своей воле солдат, повести их в бой.

И когда разразились события у озера Хасан, а затем война с Финляндией, необстрелянные питомцы Гуртьева проявили себя, как вполне боеспособные, не теряющиеся в суровых военных условиях, командиры: они оказались подготовленными к тяготам фронтовой жизни, к внезапностям и осложнениям в боевой обстановке.

С Дальнего Востока, с берегов Прибалтики в белый дом над Иртышом приходили фронтовые письма.

«То, что я получил в первом ОВПУ, как раз здесь, в условиях Финляндии, очень применимо, — писал лейтенант Писарев. — Мне не страшны ни снег, ни морозы, ни рытье окопов в зимнее время. Я как надо владею лыжами».

«Дорогой Леонтий Николаевич, на фронте я очень часто вспоминаю вас. Как пригодилась мне закалка, полученная в лыжных походах и многое другое, чему неустанно учили вы нас, курсантов. Училище подготовило меня ко всем лишениям войны», — писал Гуртьев старший лейтенант Иванов.

Таких писем Леонтий Николаевич получал много.

* * *

Многие, очень многие, запомнили на всю жизнь тот тихий июньский день 1941 года. Запомнился он во всех подробностях и Надежде Павловне.

Училище уже выехало в летние лагеря. Тут же жил Гуртьев с семьей. Дом полковника стоял в березовой роще, в раскрытые окна врывались ветви деревьев, и солнце просачивалось в комнату сквозь гибкую зеленую сетку. Пестрые округлые тени листьев, перламутровые солнечные блики ложились на белые стены комнаты, на черный лак рояля. На рояле стояли цветы, и светлые венчики их отражались в полированной поверхности дерева, как в тихой заводи.

Гуртьев сидел у окна с книгой, но не читал; чуть смежив глаза, он следил, как скользили по клавишам тонкие, гибкие руки жены. Надежда Павловна играла фюиту «Пер-Гюнт», Грига. Чистая, прозрачная, такая же мягкая, как этот день, мелодия заполняла комнату. Казалось, звуки смещивались с пестрыми березами, с солнцем. И такой полный покой был разлит кругом...

Когда Надежда Павловна кончила играть, Гуртьев подошел к репродуктору и включил его. В безмятежную тишину вдруг ворвались суровые слова о войне.

Гуртьев слушал, и лицо его становилось суровым, глаза наливались гневом, болью.

В этот же день Леонтий Николаевич говорил с Новосибирском.

— Направьте на запад, — просил он штаб военного округа. Но ему предложили сначала сформировать и обучить дивизию.

В нескольких километрах чуть южнее Омска есть болотистое непроточное озеро — Чертова Яма. На берегу его был расположен курорт. В желто-зеленых, сернистых водах Чертовой Ямы лечились ревматикки, сердечники. Тут, в солончаковой степи, и обучал военному искусству свою дивизию Гуртьев.

На бугристых, кочковатых берегах озера возникли штурмовые полосы, противотанковые рвы, целая сеть окопов, траншей.

В лагере шла напряженная боевая учеба.

«Командир дивизии неутомимо воспитывал из молодежи настоящих боевых солдат, — вспоминают ветераны дивизии майор Ингор и старший лейтенант Аметилов, — часто можно было видеть, как Гуртьев подходил к занимающемуся отделению, брал винтовку и показывал приемы штыкового боя, а вслед за тем, правила переползания по-пластунски.

Особенно любил Гуртьев подтянутых, храбрых солдат. Однажды он ехал мимо регулировщика. Тот четко указал путь шоферу, перебросил флажок в левую руку и отдал честь.

Гуртьев остановил машину и подозвал рядового:

— Спасибо, товарищ, за отличную выправку, — произнес он и крепко пожал бойцу руку.

Приезжая в часть, Гуртьев обходил подразделение и интересовался всеми подробностями жизни бойцов. Он знал в лицо и по фамилии всех поваров дивизии.

— Ну, дружок, покажи свой черпак-колпак, — говорил он, приходя на кухню. И сейчас же спрашивал у бойцов, довольны ли они поваром, сполна ли получают порцию».¹

Гуртьев делал все возможное, чтобы здесь, в глубоком тылу, в тихих степях около Чертовой Ямы, необстрелянные люди, чувствовали себя, как на фронте. Их «утюжили» танки, «бомбили» самолеты и плохо приходилось тому, кто небрежно окапывался. Он на горьком опыте испытывал все последствия своей небрежности

¹ „Сибиряки-гуртьевцы — гвардейцы“. Омгиз. 1944 г.

и уже твердо усваивал, как надо окапываться, как укреплять свой дом под землей.

Вот как описывает в своем дневнике одну из учений капитан Якубовский:

«Бойцы, лежавшие в окопах, с нетерпением ждали сигнала. В воздух взвилась зеленая ракета и в ту же секунду грянули залпы орудий и минометов.

Появились эскадрильи и начали бомбить укрепления «противника».

Во время артиллерийской и авиационной обработки переднего края на поле вышли танки и тоже обрушили огонь по оборонительным сооружениям. Когда последний самолет выходил из пике, в воздухе сверкнули две яркие ракеты. Стрелки пропустили танки через свои боевые порядки и тут же поднялись в атаку. Заговорили пулеметы, винтовки.

Штурмовые группы начали блокировку дзотов. Артиллеристы перенесли огонь на сборный пункт, расположенный в глубине. Согласованным ударом, при котором все боевые средства были направлены к выполнению одной задачи, передний край обороны был прорван.

Танки сошлись на сборный пункт и вместе со стрелками устремились в атаку третьей высоты. Орудия сопровождения, успевшие уже сменить позиции, прямой наводкой подготовили успех этой атаки».

А вслед за такой боевой операцией — длительные марши, ночные учения. И нередко после трудного марша, когда уставшие люди уже предвкушали горячий ужин и отдых, неожиданно следовал приказ: продукты раздать сухими пайками. Приходилось самим разводить костры и готовить себе пищу. Сначала многим это казалось излишней требовательностью, почти жестокостью. Но потом, на полях сражений, на фронте солдаты и офицеры с признательностью вспоминали трудную гуртьевскую школу.

— Пусть Чертова Яма будет для нас своего рода Чертовым мостом, одолеем по-суворовски, значит и на фронте выстоим по-суворовски, — говорил Гуртьев.

После восьмимесячной напряженной боевой учебы гуртьевская дивизия распрощалась с берегами Иртыша.

К Волге лежал ее путь.

ПУТЬ К СТАЛИНГРАДУ

Идем мы на бой из далекого края.

Сибири суровой сыны.

(Из сталинградской песни гуртьевцев).

Пыль хрустела на зубах, колючими острыми крупинками оседала на веках, просачивалась сквозь ткань одежды, затрудняла, сковывала движения. Густым горячим облаком нависала она над степью и людям широкая приволжская степь казалась тесной.

День и ночь в стремительном марше дивизия двигалась на фронт. День и ночь ровным, частым шагом шли стрелки, саперы, связисты. Громыхали гусеницы танков, орудия, обозы.

Тела людей наливались тяжелой усталостью. Но люди преодолевали себя и шли вперед. Многие из них в эти нелегкие дни вспоминали комдива. Нет, не зря так беспощадно требователен и суров был на учебных маршах Гуртьев. Не зря полки его дивизии проходили в тылу такую суровую, слишком, как казалось многим, суровую боевую учебу.

Тогда в тихом лагере под Омском, многим казалось, что Гуртьев излишне придирчив и педантичен, что это от «характера», и не один из молодых офицеров в сердцах роптал на старика.

Во время коротких остановок-передышек Гуртьев неизменно был в полках. Его интересовало все: и солдатский обед, и обувь, и нет ли потертых ног, и как надевают бойцы портянки. Находились у Гуртьева такие душевные хорошие слова, которые бодрили и помогали людям в самые трудные минуты. Офицеры вы-

дели, какими благодарными взглядами провожали бойцов комдива.

— Будто и простора больше и дышать легче, — выразил как-то общее настроение сержант Селезнев, бывший плотник Омской судовой верфи, а теперь бравый, подтянутый солдат.

Именно такое бодрящее действие производило на солдат каждое посещение Гуртьева.

В трехдневный срок дивизия совершила двухсоткилометровый марш. Это было предбоевое крещение гуртьевских полков.

Неуспевшие стряхнуть с себя дорожную пыль, еще по пути к Сталинграду полки Гуртьева вступили в бой с немцами, укрепившимися на Н-ской высоте.

На рассвете гуртьевцы прямо с ходу пошли в атаку.

Над боевыми порядками дивизии повисли 80 немецких самолетов.

Необстрелянный, но хорошо натренированный полк Барковского ринулся вперед. Стремительным броском солдаты майора Барковского сблизились с противником, смешались с его пехотой в рукопашном бою. Это спасло дивизию от большого урона. Действия немецкой авиации были парализованы — фашистские самолеты не сбросили бомб, боясь нанести урон своей пехоте. После короткого, но очень напряженного боя полк Барковского выбил немцев с занимаемой позиции.

Потом начались контратаки. Гуртьев с удовлетворением наблюдал, как деловито и быстро окапывались впервые в боевой обстановке его бойцы. Три атаки одну за другой отбили они. В четвертый раз разъяренные немцы, чтобы расчистить путь своей пехоте, бросили танки — сорок машин двигалось к высоте, десять в обход с правого фланга, тридцать в лоб к левому скату высоты. Было ясно, что основной удар танков направлен именно сюда, на левый скат. И не у одного бойца замирало сердце от страстного желания спустить курок, но люди твердо помнили, что раньше времени нельзя демаскироваться.

Головной танк шел прямо на окоп старшего лейтенанта Мирохина. Уже с острой отчетливостью царапал слух скрежет гусениц и хорошо были видны щели на

башнях. Рука Мирохина невольно потянулась к спусковому крючку и застыла.

Сейчас вся мускульная и нервная сила лейтенанта была сосредоточена в этой руке, лежавшей на спуске, хотя совсем немного сил требовалось для того, чтоб его нажать. Гораздо труднее было удержать себя от этого движения.

Танк приближался...

— Сто метров, — отсчитал Мирохин, словно перед ним лежала развернутая лента рулетки, и, еще раз проверив прицел, нажал на спуск. Четкий, характерный выстрел противотанкового ружья — и скрежет гусениц сразу оборвался. Гибкое, быстрое пламя взметнулось над танком и потонуло в тяжелом облаке дыма.

Другая машина выдвинулась вперед. Мирохин взял ее на прицел и тоже подбил. Остальные машины замедлили ход, четкий строй их поломался. В тот же момент грянул пушечный залп. Снаряд сделал перелет и разорвался за окопом Мирохина, расшвырял вокруг рыхлые комья земли.

Второй снаряд упал совсем близко возле его окопа. Горячее дыхание взрыва обожгло Мирохина, воздушная волна швырнула на землю и что-то острое полоснуло по руке, ударило в грудь. Сначала Мирохин не понял, что с ним произошло. Кисть руки была перебита, а боли он еще не ощущал, но Мирохин не знал, что он ранен и в грудь. Он только сразу как-то ослабел, обмяк и стал плохо видеть.

Напрягая последние силы, Мирохин принял к спусковому крючку и нажал его. Потом он откинулся назад и сполз на дно окопа. Третий танк, подожженный Мирохиным, горел.

Бой продолжался. Один за другим выходили из строя немецкие танки.

«Схватка с бронированным врагом дошла до того, что в порыве сражения бойцы набрасывались на танки, жгли их бутылками с зажигательной жидкостью. Из танка выскакивали обезумевшие немцы, их кололи штыками, били прикладами, расстреливали в упор.

Ночью над степью стояло огромное зарево — горело больше 30 вражеских танков.

Героически сражаясь с врагом, полки нашей дивизии отбили у немцев высоты и этим способствовали подготовке наступления наших войск под Сталинградом» — вспоминает заместитель командира дивизии по политической части полковник Свирин.

Так закончился первый бой 308-й сибирской дивизии.

Гуртьевские полки вступили в Сталинград.

СТАЛИНГРАД

За каждую комнату — бой,
За каждую улицу — битва!

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

В военной истории есть много примеров сосредоточения сил на направлении главного удара. Но все это бледнеет перед кулаком, созданным немцами в Сталинграде. Здесь, на фронте, протяженностью в один километр, немцы бросили 94, 305 и 389 пехотные дивизии и 20 танковых частей. Сотни «Юнкерсов», десятки мощных артиллерийских и минометных батарей обстреливали этот клочок земли.

Были дни, когда приходилось отражать по 20 атак. Именно в такой день дивизия Гуртьева заняла оборону в направлении главного удара на заводе «Баррикады».

Полки не имели большого боевого опыта, для большинства людей бой за Н-скую высоту на пути к Сталинграду был первым боем. Но они прошли трудную гуртьевскую выучку и было у них высокое чувство воинского и гражданского долга. Это чувство с первых же дней формирования дивизии прививал Гуртьев своим людям.

Гуртьевцы зарывались в каменистую, залитую цементом землю заводских дворов, превратили заводские цеха, вернее руины их, в узлы сопротивления и держали оборону.

В течение суток полк Маркелова отбил одну за другой 23 атаки.

Немцы иногда приближались на 40 -- 50 метров, бойцы видели их пьяные лица, слышали выкрики: «Рус буль-буль!».

«Буль-буль» — значило утонуть в Волге. Это «буль-буль» еще сильнее подхлестывало наших солдат, делало их яростными и непреклонными.

Полк не только не отступил, но броском удивительной стремительности и силы выдвинулся на новый рубеж. Эти несколько сот метров, пройденные полком Маркелова вперед под огнем авиации, артиллерии и минометов противника, значили очень многое.

В эту ночь Гуртьев сказал: «Теперь я спокоен — выстоим».

Штаб дивизии помещался в глубокой пещере волжского берега.

В штабных блиндажах шла размеренная, напряженная работа. Работники штаба наносили на карты планы предстоящих операций, связисты принимали донесения, передавали приказы и даже бойко постукивали клавиши «Ундервуда» под ловкими пальцами штабной машинистки смички Дуси Копыловой.

А в соседнем блиндаже стояло спокойное кожаное кресло, принесенное сюда заботливым парикмахером Надюшей. На спинке кресла висел коврик из пестрых шелковых лоскутков, найденный в том же доме, где стояло кресло. На коврике были вышиты смешные желтые утята и розовые лилии. Надюша называла этот коврик «апликацией», а кресло — «парикмахерской». Люди смотрели на веселых желтых утят, на неуклюжие розовые лилии и невольно улыбались... Только над «парикмахерской» рвались снаряды, только стонала развороченная, истерзанная земля и сквозь тяжелые наматы балок осыпался песок, и люди ходили так, будто под ногами у них была не твердая почва, а зыбкая палуба корабля во время шторма; только машинистку Дусю иной раз приходилось откапывать вместе с машинкой в засыпанном блиндаже. Было этих «только» очень много. И все же работа в подземельи шла так же размеренно, оперативно, как в любом штабном помещении на земле.

Свежий человек, входивший сюда, сразу чувствовал, что спокойствие и размеренность исходят от командира дивизии, направлявшего действия всех этих людей.

Как всегда подтянутый, неторопливый в движениях, Гуртьев, казалось, не знал устати. Разумеется,

это только казалось. Конечно, он устал за эти недели бессонных ночей и величайшего напряжения. Внимательный глаз мог заметить у комдива и новые, глубокие морщины, и горячий блеск его зрачков, и покрасневшие, припухшие от бессонницы веки. Но Гуртьев умел победить усталость.

В присутствии Гуртьева стыдно было волноваться. Его хладнокровие гасило суету, нервозность, легко вызываемую обстановкой. В самые трудные напряженные минуты и часы он был как-то по обыденному, как говорили девушки, «по-домашнему» спокоен. Таким его видели под шквальным огнем на переднем крае, и в блиндаже командного пункта, когда он руководил боем; и в часы наибольшей опасности, когда озверевшие немцы прорвали оборону и окружили штаб дивизии.

— Однажды, — вспоминает майор Стафеев, — к Гуртьеву прибежал взволнованный командир и начал докладывать обстановку. Командир явно нервничал, был расстроен.

— Вам цель ясна? — спросил Гуртьев, выслушав его, — чего же тут волноваться, надо отстаивать, волноваться теперь уж поздно.

— Раз цель ясна, зачем же волноваться! — в этих словах был весь Гуртьев, — человек долга и чести, не любивший громких, красивых фраз и поз. Он и о мужестве говорил удивительно просто: «Мужество — это когда человек ставит дело выше себя». Какие простые, суровые, прекрасные слова.

Майор медицинской службы Марчук рассказывает в своем письме о Гуртьеве:

«... Когда начинались боевые действия, Леонтий Николаевич как-то весь преображался. Указания его были четки, ясны. В них чувствовалась большая внутренняя сила и в самые тяжелые минуты он был очень спокоен, хладнокровен.

В моменты, когда все были крайне взволнованы, он несколько посмеивался над слабостью своих друзей. Казалось, Гуртьев в такие трудные минуты видел уже благополучный исход и это давало ему спокойствие».

Соратники Гуртьева вспоминают о таком случае.

Собрав ударный кулак, немцы вклинились в оборону дивизии и прорвались в одном месте к реке. Штаб

дивизии попал в окружение. Оставался только один путь — на остров, но это значило уйти из Сталинграда. Несколько штабных работников, взволнованные сложившейся обстановкой и близостью неприятеля, начали просить Гуртьева, чтобы тот перевел штаб на остров. Гуртьев удивленно посмотрел на этих людей, будто впервые видел их.

— Вы вполне уясняете себе, что значит ваша просьба? — спросил он. — Вы предлагаете командиру дивизии оставить свою дивизию?

Гуртьев стремительно поднялся со скамьи и зашагал по блиндажу. Он стал сразу как-то еще выше и подтянутей; глаза у него потемнели, стали почти черными и меж бровей залегла глубокая, горькая складка. Таким его еще никогда не видели. Потом он на полуобороте резко остановился и на короткое мгновение еще раз оглядел стоящих перед ним командиров.

— Всем без исключения взять оружие и отразить атаки, положение восстановить, — раздельно и очень тихо приказал комдив. Эти короткие слова были так сказаны, что заставили людей подтянуться, обрести воинское достоинство. Штабисты рванулись в контратаку и отбросили немцев. Положение было восстановлено.

В Сталинграде была очень малая, по сравнению с обычной, протяженность фронта, миниатюрные объекты обороны и наступления и колоссальная концентрация военных сил, техники, титанический огневой натиск.

Гуртьеву приходилось планировать бои за отдельные кварталы, дома, этажи и отражать атаки, равные по силе натиску целой армии.

Тут, в Сталинграде, с первых же дней сказало умение Гуртьева сочетать железную воинскую дисциплину, единоначалие со всяческим развязыванием инициативы у каждого командира, каждого бойца.

10 октября немцы вклинились в оборону завода. 80 часов подряд они бомбили «Баррикады». 200 тяжелых и средних танков атаковали заводские руины, за танками шли полки пьяных автоматчиков.

Подразделения потеряли связь с командными пунктами полков и дивизии. Ценой невероятных усилий

немцы нарушили управление дивизии, но сопротивление они не смогли сломить.

Каждый квартал, дом, этаж стали самостоятельными боевыми единицами — «гарнизонами», как шутя (они шутили в это время!) именовали себя горстки бойцов.

Командирами многих таких маленьких, но очень стойких цитаделей были зачастую сержанты, рядовые красноармейцы. Они умело отражали атаки, предпринимали контратаки, удивлявшие врагов своей дерзостью и стремительностью. Иногда пять — восемь человек противостояли натиску целого батальона.

Бойцы подпускали немцев на десять-двадцать метров, — вспоминает полковник Свирин, — закидывали гранатами, а затем переходили в контратаку и отбрасывали врага. А когда кончались гранаты, в ход шли кирпичи и другие увесистые предметы, попадавшие под руки в развалинах домов.

В одну из страшных октябрьских ночей разведка доложила, что немцы подтянули к «Баррикадам» свежие резервы — пехотную дивизию и танковые части.

— Теперь они превосходят нас в шесть раз, — сказал один из командиров.

— А вы не помните разговора Андрея Волконского с Пьером Безуховым накануне Бородинского сражения? — неожиданно спросил у него Гуртьев.

— Нет, не помню, — ответил командир и недоумевающе посмотрел на комдива. Взгляд его так откровенно и говорил: причем тут Безухов?

— Напрасно. Там есть такие поучительные слова:

«На войне один батальон сильнее дивизии, а иногда слабее роты... относительная сила войск». Так вот и сейчас, дело не только в численном соотношении, а в относительной этой силе. Я верю в нее, в относительную силу моей дивизии...

И как бы в подтверждение слов комдива из молка Чамова пришло донесение. Деятнадцать бойцов под командой лейтенанта Смородинова, укрепившись в небольшом каменном доме три дня отбивали непрерывные атаки немцев. Семнадцать атак отбили бойцы Смородинова.

Много подвигов совершили бойцы и офицеры гуртьевской дивизии.

Лейтенант Борис Шонин из противотанкового ружья подбил пикирующий «Мессершмит», четыре танка и противотанковую пушку.

Из Сталинграда Борис Шонин писал своему другу в Омск:

«В самые трудные минуты я всегда вспоминаю нашего комдива Леонтия Николаевича Гуртьева и думаю, как бы он поступил на моем месте. Однажды он пришел к нам. Знаешь, комдив так держал себя под огнем, будто не замечал его. Чертовское спокойствие, которому могут все позавидовать! У меня тогда сложилось очень тяжелое положение. Трудно мне рассказывать, как подействовала на меня его спокойная приветливая улыбка, его шутки. Каждое его движение и слово запомнились навсегда.

Я сразу почувствовал себя сильнее, увереннее, исчезло это прескверное чувство одиночества во время боя. И мои бойцы тоже говорили: — «Словно силу свою он нам передал». В ту ночь мы дрались, как львы».

Четверо бойцов прикрывали овраг, через который немцы пытались прорваться во фланг одного подразделения. Самый старший у них по званию и летам был двадцатилетний сержант Конев. Эта четверка храбрецов имела на вооружении два пулемета, противотанковое ружье и винтовку. Точным прицельным огнем они отбрасывали фашистов каждый раз, когда те пытались проникнуть в овраг.

— «Бей, ребята, бей паршивых фрицев, по-гуртьевски!» — то и дело восклицал Конев. Разъяренные немцы двинули на четырех бойцов пять танков, за танками шел батальон автоматчиков. И случилось то, что может показаться совершенно невероятным. Четверо отразили эту атаку и подожгли три вражеских танка. Сержант Конев погиб, трое дождались подкрепления.

В самый разгар боя оборвалась связь с подразделениями. Эти минуты напряженного ожидания и неиз-

вестности были едва ли не самыми тяжелыми для командования.

— Десять минут, — сказал начштаба, поглядывая на часы. И все поняли, что речь идет о связисте Раскине, десять минут назад ушедшем проверять линию. Было ясно, что Раскин уже не вернется.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите мне, — обратился к офицеру связи сержант Путилов. Офицер молча кивнул ему головой.

Нашупав нужный провод, Путилов пополз по линии. К артиллерийскому обстрелу присоединился минометный. Огонь усиливался. Путилов словно окунулся в огненный вихрь. Каждый метр пространства казался бесконечным. Он полз и старался не думать, что произойдет, если его настигнет раскаленный острый металл. Вскоре он наткнулся на тело Раскина. Путилов вынул провод из еще теплой руки товарища и пополз дальше.

Осколок мины ранил Путилова в плечо, но он продолжал продвигаться вперед. Когда сержант дополз до места обрыва провода, его вторично ранило. Осколок снаряда перебил ему руку выше локтя. Путилов сжал концы проводов зубами и ток пошел по его телу. Связь была восстановлена.

На рассвете саперы наткнулись на мертвое тело связиста с зажатым в зубах проводом. В кармане его нашли письмо. «Если я погибну, прошу считать меня коммунистом. И еще прошу передать командиру, что я исполнил свой долг до конца. Сержант Путилов».

Многие в гурьевской дивизии помнят санитарного инструктора Лидию Подоплелову, прозванную подружками и бойцами «пончиком».

Она была вездесуща, она пробиралась в самые опасные, страшные места и выносила из-под огня раненых.

Эта маленькая, приветливая девушка, на вид почти подросток, вынесла с поля боя шестьдесят раненых бойцов с их оружием. Все в полку дивились, откуда она черпает силы.

Однажды немецкий корректировщик выследил укрытие, куда Подоплелова переносила раненых. Рядом с укрытием разорвалась зажигательная бомба. Людей

хлестали струи пламени, горячей копоты и густого удушливого дыма. Лидия бросилась выносить раненых, почти все они были в тяжелом состоянии. Так Подоплелова вынесла на себе десять человек и, когда последний боец был в безопасности, обессиленная, свалилась на землю.

В одном из боев Лидия Подоплелова погибла.

Подруга Подоплеловой писала в Омск о ее смерти:

«... У нас такое горе — погибла «пончик» — Лидуша Подоплелова. Ты ее знала, мама, она бывала у нас. Так вот, она была тяжело ранена, но прежде, чем сделать себе перевязку, поползла перевязать старшину Ляженко, ему ногу оторвало. Ляженко она наложила повязку, а себе уже не было сил. Мы нашли ее возле Ляженко мертвой.

Мамочка, у нее у мертвой было такое спокойное, удовлетворенное лицо. Я смотрела на нее и думала, что если мне доведется умереть, то пусть так, как умерла Лидя.

Прощаться с Лидой пришел наш комдив — Леонтий Николаевич Гуртьев. Он долго смотрел на нее, потом поцеловал и тихо сказал: «Мы отомстим за тебя, девочка моя!». И я увидела, у него на глазах слезы. Генерал плакал. Я этого никогда не забуду, мама. Он к нам относится, как к родным своим, такой заботливый. Его бойцы наши отцом зовут».

Велик был героизм девушек-санитарок, этих скромных тружениц войны. Под непрерывным огнем, они ползком пробирались к раненым, перевязывали их, выносили с поля боя. А потом по сыпучим приволжским пескам «транспортировали» на себе к переправе. Утомленные непосильной ношей, бессонными ночами, гулом канонады, они увязали по колено в песках, падали, вставали и снова продолжали свой путь. Бывало такое время, когда огонь сутками терзал землю и, казалось, не было такой силы, которая заставила бы людей выйти из окопа. Но если раздавался призыв раненого, девушки неизменно оставляли укрытие и спешили на помощь.

Это недавние тобольские и омские школьницы — Нина Кокорина, Зоя Колганова, Лена Лушникова, Тоня Егорова, Надя Костерина и многие другие.

Приводим отрывки из писем санитарного инструктора девушки-омички Ариадны Добросмысловой:

«... Одно меня удивляет, почему это вы все время меня жалеете? Что за вздор! Да я еще никогда в жизни не испытывала такого удовлетворения, как сейчас, никогда еще трудности не казались мне такими ничтожными, никогда не испытывала я такого кипучего желания работать. А вы видите во мне какую-то «великомученицу», «страдалицу». Конечно, бывает нам трудно, бывают огорчения, это неизбежно на войне. Одно из тяжелых огорчений для нас не получать писем».

О своей работе санинструктора Ариадна рассказывает в письмах так: «Однажды во время боя мы всю ночь рыскали по поселку, вернее, по его обуглившимся развалинам. На другой стороне реки горела деревня, и жаро облегчило нам работу: светлее, легче искать раненых. Чуть не случилась история: я окликнула Зою, да слишком громко и немедленно по этому месту немцы открыли огонь. Мы уткнулись носами в крапиву, переждали это «приветствие» и продолжали свою работу. А потом, утром, ругались, что крапивою обожглись».

Вскоре Добросмылова была ранена и направлена в госпиталь.

— В госпитале, вдали от боев, я часто думала, как это мы, девушки, могли все перенести, — говорит Ариадна, — и мне кажется, что многим мы обязаны нашему первому комдиву. Он очень сурово нас тренировал и на учениях был совсем беспощадным. Нам, девушкам, тогда никакой поблажки не было. «На войне будет еще трудней», — всегда говорил Гуртьев. И уже во время первого марша к Сталинграду я вспомнила эти слова комдива. А на фронте он очень заботился о нас, и чем мог, облегчал нашу жизнь».

Девушки гуртьевской дивизии не только помогали раненым, но и сами сражались.

Аня Рыбина попала с группой бойцов в окружение. Она взяла в руки винтовку и с криком: «Умрем, или пробьемся, ребята!», — первая бросилась в атаку.

Сержант медицинской службы Таисия Ляличенко перевязывала раненого пулеметчика. В это время не-

вдалеке от пулемета разорвался снаряд, осколками тяжело ранило второго бойца и повредило пулемет.

Таисия перевязала второго раненого, исправила пулемет и отстреливалась до тех пор, пока на помощь не пришли наши бойцы. Когда Гуртьев узнал об этом случае, он вызвал к себе девушку, долго беседовал с ней, интересуясь подробностями, и объявил благодарность за службу. С тех пор комдив при встрече неизменно называл Таисию «нашим пулеметчиком».

«Каковы молодцы, настоящая сибирская хватка», — с отцовской гордостью говорил о девушках Гуртьев.

Из Сталинграда Гуртьев писал письма своей семье — жене Надежде Павловне, дочери Валентине.

В самые тяжелые, напряженные дни, когда немцы считали, что Сталинград уже в их руках, что окончательная ликвидация русских войск — вопрос часов, когда они вклинились в нашу оборону, оторвали подразделение от командных пунктов, Гуртьев не терял веры в лучшие, светлые дни, в победу. И в письмах он передавал эту веру в далекий Омск, в маленькую квартиру в доме № 20 по улице Маркса.

«...Встречайте и празднуйте наш великий праздник в полной уверенности, что не далек тот час, когда наша Родина, наша Армия уничтожит этих гнусных и грязных взбесившихся колбасников и отомстит этой сволочи за все наши страдания», — писал Гуртьев 27 октября 1942 г. из Сталинграда.

«...Я не могу даже передать, какое чувство, какая боль охватила меня, когда я увидел этот город в пепле, в дыму, в зареве пожарищ и развалинах. Красное зарево кажется мне кровью наших людей, требующей отомщения. Это тяжелее, чем смерть самых родных и любимых людей.

Я вспомнил веселый, шумный Сталинград, в котором я был в 1936 году и такая ярость меня охватила.

Подумай, колбасники из Мюнхена, из Клейнмюнхена у Волги»...

Все фронтовые письма Гуртьева, интимные письма, адресованные жене, дочери, сыновьям проникнуты тяжелым гневом человека, честь которого поругана.

Семейное, личное переплетается в письмах Гуртьева с общим, всенародным.

«Дорогая Валюшка, — пишет он дочери, — родная моя, хорошо, что ты продолжаешь учиться, так важно учиться, овладеть специальностью, желаю тебе отличных успехов в учебе. ...Помогай маме в домашней работе, гиши бабушке, пусть она приедет из Ленинграда к нам в Омск. Старая мама, так всю жизнь она жила и думала только о других. Ведь трудно, очень трудно ей в Ленинграде, какая упрямая старушка, я и сержусь на нее и восхищаюсь ею. Наша — гуртьевская порода! Все же уговори ее приехать к нам».

И рядом: «Верьте, родные мои, скоро настанет день, когда наша армия разобьет гитлеровскую Германию и понесет по улицам освобожденных городов и сел Сталинское знамя».

Это Гуртьев писал в ноябре 1942 г.

* * *

В Сталинграде гуртьевская дивизия открыла свой боевой счет. В течение месяца дивизия истребила 21 тысячу немецких солдат и офицеров, подбила 143 танка, уничтожила 29 артиллерийских и 72 минометных батарей, 5 самолетов, 53 автомашины с грузом и войсками и отразила 117 яростных атак.

Эти цифры войдут в историю. Ими будет озаглавлена одна из лучших страниц в истории дивизии, в истории войска сибирского.

Таков итог сталинградских боев. Этот счет знает каждый боец дивизии, знает и гордится им.

На левый берег Волги гуртьевцы переправились победителями, чтоб, отдохнув и пополнив свои ряды, вновь вступить в бой.

* * *

В эти грозные дни, заполненные артиллерийскими и минометными обстрелами, воздушными налетами, танковыми и пехотными атаками, в дивизии сложились песни.

Приводим эти песни полностью:

I

В тяжелое время, в годину лихую
С оружием встали мы в строй.
Товарищ, отчизну свою дорогую
В боях отстоим мы с тобой.
Иди же вперед, наша часть боевая,
На бой, за отчизну свою!
Гвардейское знамя реет над нами,
Мы славу добудем в бою.

Собрались мы там, где на север стремятся
Седые валы Иртыша,
За родину яростно будем сражаться,
Врага беспощадно кроша.

За слезы детей, за разбой и пожары
С врагом своим счеты сведем.
Огнем ураганным, могучим ударом
Фашистскую нечисть сметем.

Идем мы на бой из далекого края,
Сибири суровой сыны...
Победно пройдет наша честь боевая
По прозному полю войны.

II

Собрались мы сюда не надолго,
Под раскаты лихих канонад
И пришли через матушку-Волгу,
На великий рубеж — в Сталинград...

«Баррикады!», «Баррикады!»
Зубы враг сломал о вас,
Мы стояли в Сталинграде
На смерть в этот грозный час.

Враг бросал весь огонь свой гремучий,
Собирая всю силу в кулак,
Но крушит его хваткой могучей
Удалой богатырь-сибиряк.

Мы с тобой поражений не знали,
Был наш лозунг — «Ни шагу назад!»
До последнего на смерть стояли
И не сдали врагу Сталинград!

Леонтий Николаевич очень любил эти, в огне рожденные, песни.

— Наш, фронтовой, дивизионный фольклор, — говорил он.

Была у Гуртьева еще с молодых лет любимая песня. Это «Есть на Волге утес». Когда пели ее, он в дни Сталинграда неизменно добавлял: «О нашем командном пункте песня».

ОРЕЛ

Есть выше из всех гражданских прав,
Во имя жизни встретить ветер боя,
И, если надо, смертью смерть поправ,
Найти в огне бессмертие героя.

А. СУРКОВ

Настало лето 1943 года.

Дивизия была придвинута к переднему краю нашей обороны.

Перед боем Гуртьев обходил подразделения.

— Готовность к бою это сумма мелочей, — говорил он.

Генерал разговаривал с солдатами, спрашивал, получают ли они письма из дому, просил почитать.

Жена сержанта Валюшина писала, что взяла на воспитание мальчика — ленинградца Шуру, потерявшего отца и мать.

— Передайте вашей жене, товарищ сержант, от меня благодарность, — сказал генерал, прочитав это письмо.

Парторгам Гуртьев задавал неизменный вопрос: «А коммунисты как у вас расставлены?»

В своем полевом блокноте он отмечал, сколько заявлений о приеме в партию подано в частях накануне сражения. 500 заявлений подали бойцы и офицеры дивизии Гуртьева перед этим боем.

«Все силы свои положу и жизни не пожалею, чтоб разгромить немцев, чтобы оправдать звание коммуниста. Может быть я и погибну, но твердо верю: не хозьяничать паршивым фрицам на нашей земле», — читает Леонтий Николаевич в заявлении рядового Захара Ржавина.

«Для меня сегодня нет ничего выше, чем быть в рядах коммунистической партии. Хочу защищать свою родину коммунистом. Доверие партии оправдаю в боях», — писал офицер Козименко.

— Доверие партии оправдаю в боях, — вслух повторил Гуртьев и, помолчав, добавил: — это наше «сим победиши».

А вечером из подразделения доносили: «... Козименко, окруженный вражескими автоматчиками, вырвался со своими бойцами из кольца и взял неприятеля в обхват. Уничтожено 70 немецких автоматчиков».

Просмотрев это донесение, Гуртьев задумчиво, как бы сам себе сказал: «Доверие партии оправдаю в боях».

12 июля дивизия перешла в наступление, прорвала передний край обороны противника и к трем часам следующего дня овладела Евтеховским узлом сопротивления.

Евтехово обороняли отборные немецкие части; 15 орудий и шесть минометных батарей простреливали подступы к деревне.

За Евтеховым дивизия взяла деревни Грачевка, Глубки, Одинок, Городиловские выселки, Гурбунцово — до боли родные, истерзанные войной, и все же прекрасные тургеневские, как называл их Гуртьев, места.

Оборона противника была прорвана на всю тактическую глубину.

На третий день наступления гуртьевские части уже дрались за водораздел между реками Зушей и Олешней.

Гряды холмов, тянувшихся вдоль деревень Суворово, Кочеты, Высокое, немцы превратили в мощную линию обороны, до предела насыщенную артиллерией и минометами. Сюда же были брошены свежие резервы. Немцы сопротивлялись отчаянно.

Шесть раз переходило из рук в руки село Суворово. Бойцы, отбившие шесть атак, были утомлены.

— Товарищи, знаете ли вы, кто был Суворов? — спросил у своих солдат командир части.

— Знаем! — дружно ответили бойцы.

— Вот это село называется Суворово, — указал

капитан, — так давайте же возьмем его по-суворовски!

Взять по-суворовски, — пошло по цепям. Бойцы поднялись в седьмую атаку и, выбив противника, окончательно закрепился в Суворове.

Гуртьев, выслушав донесение об этом эпизоде, сказал:

— Молодцы! — так сказал бы и сам Суворов.

Дивизия с боями продвигалась вперед. В эти дни самыми популярными людьми в дивизии стали охотники за «тиграми» — артиллеристы и бронебойщики. Уже у многих завелись особые «тигровые счета», и когда генерал приходил в подразделение и спрашивал, как дела, ему с задором отвечали: «Тигров бьем!».

«Тигры», «Фердинанды» и огромные шестиствольные минометы, насмешливо прозванные «дурилами», обрушивали на дивизию целые огненные смерчи.

Но бойцы научились защищаться от неприятельского огня и, что очень важно, не терять спокойствия во время самых интенсивных обстрелов.

Академией бесстрашия называл Гуртьев такие обстрелы. Сложилось даже несколько пренебрежительное, насмешливое отношение к неприятельскому огню.

— У сержанта Алексеенко осколком задело шинель, — рапортовал командир-минометчик о потерях своего подразделения. А минометчики, ведь, находились в самом огненном пекле!

В наступательных боях, как и в героической сталинградской обороне, гуртьевские части проявили высокую маневренность, стойкость, умение скрыто накапливаться, охватить противника, стремительно ударить с фланга и вести бой на уничтожение.

На Орловском плацдарме Гуртьев показал образцы вождения войск, смелого широкого маневра. Во время сражений он сам неизменно наблюдал за полем боя. Его командный пункт находился в полукилометре от основного ядра дивизии. Генерал твердо держал в руках свои части и, всячески поощряя инициативу командиров, руководил событиями на поле боя.

2 августа дивизия форсировала реку Оптуху и овладела ближним подступом к Орлу. Под сильным минометным и артиллерийским огнем, по грудь в воде, са-

перы установили опоры для штурмовых мостиков, заканчивали устройство бродов для артиллерии и обозов. Когда почти все было готово, неприятельская мина разбила наведенную переправу.

— Эй, саперы, не дрейфы! На нас смотрит генерал! — разнесся меж саперов призыв старшего сержанта Дудникова. И поврежденные звенья были восстановлены в течение двадцати минут.

Форсировав реку, дивизия устремилаcь вдоль шоссе к Орлу.

Генерал-майор М. В. Иваненко в своей статье «В боях за Орел» пишет: «Наибольшего успеха в этот день (2 августа. М. Ю.) достигли части полковника Кустова и генерал-майора Гуртьева, действовавшие на левом фланге с рубежа реки Оптухи. С утра они, сломив сопротивление врага, форсировали реку и развертывали наступление вдоль шоссе Мценск — Орел... Особенно отчаянно дрались немцы вдоль шоссе против дивизии генерал-майора Гуртьева».

С наблюдательного пункта отлично просматривалась вся местность. Там, впереди, лежала длинная волна Ямской горы. Полоса реки огибала ее правый склон. В предраcсветном сумраке река была чуть-чуть светлее своих берегов. Только тусклый белесый отблеск отличал ее от твердой почвы.

Высота Н — цель сегодняшней операции — виднелась, как на ладони. Ключья тумана такие густые, что казались весомыми, окутывали холм и будто пригибали своей тяжестью деревья.

Небольшой, синей подковкой выдавалась на карте эта высота — сильный узел сопротивления противника, ближайший подступ к Орлу. Прорвать его, значило открыть армии ворота в Орел. Тонкие стрелки пунктира намечали движение наших частей к этой высоте.

Генерал еще раз окинул взглядом карту, мысленно представив себе предстоящую операцию, и вышел из блиндажа.

В роще, на опушке которой помещался наблюдательный пункт, было еще совсем темно, и только верхушки самых высоких деревьев освещены. Зыбкие лучи скользили по верхним ветвям, и летучие тени

набегали на мокрую, отяжелевшую от недавнего дождя, листву. Стояла такая тишина, что слышалось, как шелестела трава, стекали с листьев застоявшиеся дождевые капли и неизвестно от чего вздрагивали, расправлялись ветви деревьев. Густой запах мокрой древесины и грибов шел из рощи.

И вдруг генерал вспомнил, как давно, очень давно в детстве, он собирал грибы. Осторожно, затаив дыхание, он рылся в прошлогодней слежавшейся листве, и тогда обнажались нежные коричневатые головки белых грибов, яркие, веселые рыжики или скользкие шляпки маслят. Удивительно чистое, светлое чувство охватило Гуртьева при этом воспоминании. Неожиданно для себя он широко развел руками и улыбнулся.

...Верхняя часть Ямской горы была уже в полосе света. Гуртьев вскинул бинокль. Пестрыми пятнами намечались на ней красные крыши домов, желтые купола колоколен, зеленые шапки деревьев. Все это было присыпано солнечной пылью. Гуртьев хорошо знал Орел и сейчас отчетливо представлял себе капризную, всю в изгибах, речушку Орлик, прорезавшую город. (Наверное, после вчерашнего ливня она вздулась и вышла из берегов); строгие, серые корпуса пехотного училища по Садовой улице, тенистые вязы в парке... Потом над городом поднялся и медленно пошел вверх широкий столб дыма. И сразу померкли, слиняли яркие, чистые краски. Город на горе стоял темный и страшный.

...Сигнал к атаке должна была подать артиллерия. Гуртьев взглянул на часы и опустил в блиндаж.

Когда часовая стрелка прошла положенные ей до начала боя минуты, раздался четкий, оглушающий орудиный залп.

На правом склоне высоты вскипали темные взбросы развороченной земли и мохнатые шары дыма.

Немцы интенсивно отстреливались. Но инициатива огня была за дивизией.

Уже нельзя было различить отдельных залпов. Орудийный раскат волной набегал, затихал и снова вздымался.

Генерал сидел на своем зеленом стуле-раскладушке. Он разговаривал по телефону с командирами подраз-

делений, отдавал приказания начальнику штаба, дежурным офицерам, слушал донесения. И все это неторопливо, как-то удивительно спокойно, размеренно. Глядя на него, становились спокойнее и те, кого взвинчивала напряженная обстановка.

Полная картина сражения во всем его многообразии развевывалась перед командиром. Он руководил течением событий на поле боя, развивал и направлял их в соответствии с обстановкой. Его незримое присутствие ощущала и пехота, рвущая сейчас проволочные заграждения, и артиллеристы, прикрывавшие огненным валом пехотинцев, и саперы, расчищающие минные поля.

Подразделения дивизии рвали бесчисленные проволочные заграждения, колючие спирали Бруно, преодолевали минные поля, «спотыкачи», огромные рвы, бесконечные линии окопов и под непрерывным огнем неприятеля продвигались вперед.

— Вперед, только вперед, не лежать под огнем, — требовал Гуртьев от командиров частей.

И они, стремительно сближаясь с противником, спасали своих людей от губительного неприятельского огня. Бой уже шел у самого подножия высоты. Взвод за взводом пересекали пояса окопов и поднимались на склоны.

События развивались так, как это было задумано. И довольный ходом сражения, Гуртьев говорил:

— К вечеру придется перенести КП на ту высоту, а следующей ночью и в Орел.

Отряхивая пыль с маскировочного халата, к наблюдательному пункту шел командарм. Гуртьев поспешил ему навстречу.

— Ну, как, Леонтий Николаевич, к вечеру передвинем твой КП, — словно читая мысли Гуртьева, на ходу говорил командующий.

— Есть такая перспектива, — подтвердил Гуртьев и хотел добавить еще что-то, но в этот момент раздался резкий, характерный посвист мины. Гуртьев застыл командарма своим телом и втолкнул в окоп. Последняя мысль Леонтия Николаевича была о командующем — не ранило бы его. Потом осколок металла ударил его в спину, в висок и темная тяжесть вдавила глаза.

Командарм прижал окровавленную голову Леонтия Николаевича к своему плечу. Гуртьев в последний раз открыл глаза и сказал не то удивленно, не то сожалеюще:

— Я, кажется, убит...

Острый стебель бензиновой лампы скользнул по лицу комдива и отразился в широко разлившемся уже неподвижном зрачке.

— Неужели конец? — дрогнувшим голосом спросил командарм.

Бой продолжался.

К вечеру высота Н была взята, а на рассвете следующего дня гуртьевские полки ворвались в Орел.

5 августа гуртьевцы хоронили своего генерала. Мимо извилистого, вздувшегося от ливней, Орлика, мимо строгих, серых корпусов пехотного училища к старым тенистым вязам городского сада несли они гроб с телом Гуртьева.

«... Похороны Леонтия Николаевича превратились в демонстрацию жгучей ненависти к врагу, — писали боевые соратники Гуртьева его жене. — Вместе с нами большое горе разделяет население Орла. Как истинно русские люди, возвращенные родине, они просили передать Вам свое глубокое сочувствие и невыразимую благодарность, как супруге генерала-освободителя.

Леонтий Николаевич погребен в городском саду. На его могилу мы возложили венки. Пунцовые розы горят на могильном холме, как ордена на груди.

Эта могила будет самым дорогим памятником для свободных ныне орловцев.

Не каждому дано пройти столь прекрасный жизненный путь, дорогая Надежда Павловна.

Не каждому дано умереть смертью героя-освободителя, не каждая могила превращается в нетленную память народа.

Пусть же гордость русской женщины облегчит Ваши страдания и придаст Вам силу и бодрость, с которой дивизия генерала Гуртьева отправилась на новые ратные дела во имя любимой родины».

В далекий Омск шли письма из разных концов страны.

«Обаятельный облик Леонтия Николаевича вдохновил меня на большую творческую работу, которую я Вам направляю вместо венка на могилу народного героя, — писал из Алма-Ата поэт Новиков.

«... Если Вы потеряли мужа и отца Ваших детей, то мы, русские люди, в лице Леонтия Николаевича потеряли одного из лучших генералов Красной Армии, подлинного отца своих солдат, отдавшего свою замечательную жизнь делу освобождения Родины от немецкой нечисти и погибшего на своем славном посту в столь знаменательные для России дни победного наступления. Если человеческое слово может принести Вам сейчас хоть каплю утешения, я хотел бы сказать Вам, что именно сейчас Ваше мужество необходимо Вашим сыновьям, идущим по той же трудной дороге», — обращается к Надежде Павловне ленинградец капитан Новокшанов.

«Вечно будет жить в наших сердцах память о героях, павших в боях за освобождение Орла. Имя Вашего мужа занимает в их ряду одно из первых мест. Его могила стала достопримечательностью Орла. Она находится в одном из лучших мест города. На могиле установлен мраморный памятник с надписью:

«Здесь похоронен прах Героя Советского Союза генерал-майора Гуртьева Леонтия Николаевича, 1891 года рождения, погибшего в боях против немецко-фашистских захватчиков за город Орел 3-го августа 1943 года», — писал Гуртьевой секретарь Орловского обкома ВКП(б) т. Игнатов.

★ ★ ★

Оставив на берегах Оки славную могилу, дивизия шла на запад через брянские леса, полесские болота, преодолевая водные преграды Десны, Днепра, Березины, Вислы, Одера, Шпрее.

Этот свой огненный марш дивизия совершила под именем гуртьевской. Дивизия давно стала гвардейской, ей присвоено наименование Рогачевской. Но люди этой дивизии продолжают называть себя гуртьевцами.

Соединение пополнилось новыми людьми, никогда не видевшими, не знавшими Гуртьева, но гуртьевские

традиции, гуртьевская закалка, полученная на берегах Иртыша, укрепленная в битвах за Сталинград и Орел, живут и поныне среди солдат и офицеров.

— Сталинград далеко позади, но сталинградская слава шагает вместе с нами, — говорили гуртьевцы.

Одно из писем воинов Рогачевской дивизии, присланное омичам из Германии, ярко повествует о людях гуртьевской закалки, об их боевых делах.

«... На рассвете мы пошли в наступление.

В этом сражении отличились многие, всех героев не перечислить. Расскажем вам о таком случае, происшедшем в нашей дивизии. Шел солдат в атаку. Упал, сраженный вражеской пулей. С ходу упал, с широкого шага — головой вперед, вытянув руки, как будто и после смерти хотел еще подмять под себя клочок ненавистой вражеской земли.

Фамилия этого бойца Чалнык, Василий Чалнык... Ушла цепь вперед. А он остался лежать...

За этой цепью продвигалась вторая. И с ней шел в атаку другой солдат — **Иван Чалнык** — сын Василия.

Увидел гвардии красноармеец Иван Чалнык своего отца на поле боя, когда пришлось залечь при перебежке...

Хотел окликнуть, но заметил стылую струйку крови из виска и поник головой. Да и некогда было окликать. Шли гвардейцы в атаку. Передал Чалнык санитару, чтоб вынесли дорогое тело, положили бы в укромном месте.

— Вперед!

Немцы вели огонь из окопов, из амбразур, пробитых в стенах домов, но ничто не могло остановить ярости гвардейца.

Иван Чалнык гранатой вышиб дверь, очередью из автомата уложил четырех немцев. Грозен был он в своем праведном гневе.

Вечером этого дня отделение, в котором служит гвардии рядовой Иван Чалнык, отдало троекратный салют над могилой рядового Василия Чалныка.

И сын, глядя на красный обелиск с гордой звездой наверху, промолвил:

— Прощай, отец. Я отомстил за тебя... Но месть еще не окончена. Я хочу так закончить войну, чтобы

сто лет немцы, проходя мимо твоей могилы, со страхом снимали свои шапки!».

Этот рассказ об отце и сыне — бесцах гуртьевской дивизии — дополнит еще ненаписанная повесть об Игоре Гуртьеве.

Весть о гибели отца-героя лейтенант Игорь Гуртьев принял как воин и патриот.

«Дорогой отец наш погиб как верный сын своей Родины, — писал Игорь своей матери и сестре. — Нашу фамилию он кровью вписал в историю Отечественной войны. В этот тяжелый час я обращаюсь к вам — сожмите сердца, не падайте духом, кровавые изверги будут отомщены сторицей.

Родная мама! Ты должна жить для нас — детей. Падет проклятый фашизм и сыны снова обнимут свою мать.

Дорогая сестричка Валя! Ты должна поддержать маму в горе и продолжать учиться. Закончить высшее образование — вот цель, которая стоит перед тобой. Я буду помогать вам.

Бодрей смотрите вперед. Жене и дочери героя Сталинграда не к лицу слабование.

Крепко целую вас, дорогие мои. Ваш Игорь».

В этот же день Игорь Гуртьев подал рапорт своему командиру. (Игорь служил тогда на Дальнем Востоке).

«Тов. подполковник, — писал лейтенант Гуртьев, — я переживаю тяжелое горе — отец мой погиб на боевом посту в борьбе с проклятыми фашистами. Мой долг, сына и офицера, мстить немцам и мстить своими руками — это теперь цель моей жизни. Поэтому очень прошу Вас ходатайствовать о срочном откомандировании меня на кратковременные курсы с последующим направлением в действующую армию — в дивизию, которой командовал мой отец. Вы поймете мое положение и не откажете в просьбе».

Под знаменами, овеянными гуртьевской славой, шел и Гуртьев-сын.

Игорь Гуртьев увидел то, о чем мечтал и во что верил в самые тяжелые для нашей Родины дни его отца. Гуртьев-сын ступил на вражью землю.

16 марта 1945 года Игорь погиб.

«... Храбрейшим среди храбрых был Ваш сын Игорь, — писали гвардейцы-гуртьевцы Надежде Павловне. За

отличное выполнение боевых заданий он был награжден высокими боевыми наградами — орденами Красного Знамени и Отечественной войны первой степени. В бою он показал себя храбрым, умелым, отважным, каким был его отец — наш боевой командир дивизии, герой-генерал Леонтий Николаевич Гуртьев... Смерть преждевременно вырвала из наших рядов прекрасного товарища и бесстрашного офицера».

Надежда Павловна прочла это письмо и такая боль сдавила тело, что хотелось кричать, громко кричать, растревожить тишину этого весеннего дня. Почему-то вспомнился приезд мужа в Ковров и то, как он говорил: «Гуртьевы не плачут».

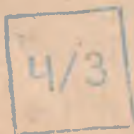
Прощаясь с ней в последний раз, Игорь тоже повторил эту отцовскую фразу:

— Гуртьевы не плачут.

Надежда Павловна подошла к детской колыбели, стоявшей у окна. Там под светлым пологом лежал ее первый внук. Доверчивые и такие родные глаза смотрели на нее. Легкий пух волос выбивался из-под чепчика и пухлые ручонки деловито месили стеганую ткань одеяла.

Она склонилась над колыбелью и взяла ребенка на руки. Нежное, трогательно-беззащитное детское тело согрело ее и казалось утишило боль.

У нее было страстное желание рассказать этому крохотному, розовому мальчугану — самому юному Гуртьеву, о жизни Леонтия Николаевича и Игоря. И с предельной ясностью вдруг вспомнились ей, где-то вычитанные, слова: «Вырастут внуки, оглянутся на великое прошлое своей Родины, поймут все величие вашего подвига и подивятся, какая мужественная красота, какая светлая человеческая мощь жила в советских людях сороковых годов двадцатого столетия»...

БИБЛИОТЕКА
ИМ. П. ВАСИЛЬЕВА

